

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-51-58

Е.А. ЯБЛОКОВ

«Как же вам угодно именоваться?» («Удвоенные» имена персонажей в произведениях М.А. Булгакова)

Автор статьи систематизирует таутонимы – удвоенные имена персонажей – в произведениях М.А. Булгакова, устанавливает их прообразы, раскрывая биографические детали, проводит параллели между персонажами произведений разных авторов, определяет особенности функционирования таутонимов в художественном тексте.

Ключевые слова: *таутоним; прототип; художественный прием; травестийный прием; маркер; карнавальность.*

Evgenii A. Yablokov

«Kak zhe Vam Ugodno Imenovat'sya?» (“How do You Prefer to Be Called?”) (“Double” Names of Characters in M.A. Bulgakov’s Works).

The author of the article systemizes the tautonyms (“double” names of characters) in M.A. Bulgakov’s works, sets their foretypes discovering the biographical specifics, draws a parallel between characters of different authors’ works, determines the special aspects of tautonyms functioning in the literary texts.

Key words: *tautonym; foretype; artistic device; travesty device; marker; carnivality.*

Среди множества поэтонимов (имен персонажей) русской литературы особую группу составляют случаи, когда наряду с личным именем указан тождественный ему патроним, отчество, например: *Сергей Сергеевич Скалозуб* в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», *Максим Максимыч* в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова, *Илья Ильич Обломов* у И.А. Гончарова, *Петр Петрович Белокуров* в рассказе А.П. Чехова «Дом с мезонином»,

палац с таким же именем в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь» и пр. Для обозначения подобных «удвоенных» имен в русской ономастике существует термин *таутоним* (см.: [Пеньковский 2004: 331; Подольская 1988: 124]). Наша цель – систематизировать булгаковские таутонимы и по возможности объяснить логику их функционирования в произведениях писателя.

«Удвоенные» имена у Булгакова – особый художественный прием (см.: [Яблоков 2001: 226]), обусловленный, в частности, влиянием Н.В. Гоголя (см.: [Кондакова 2001]). Носители таутонимов довольно многочисленны; в 14 булгаковских текстах нами обнаружено 24 соответствующих персонажа¹ (все мужского пола),

Евгений Александрович Яблоков, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: ejablokov@proc.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт славяноведения, Российская академия наук

Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, 119991, Россия

Institute of Slavic Studies, The Russian Academy of Sciences

32-a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Яблоков Е.А. «Как же вам угодно именоваться?» («Удвоенные» имена персонажей в произведениях М.А. Булгакова) // Русский язык в школе. – 2018. – № 5. – С. 51–58. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-51-58.

¹ Заметим, что у Гоголя их почти вдвое меньше (по нашим подсчетам – 14):

- *Акакий Акакиевич Башмачкин, Иван Иванович Ерошкин* («Шинель»);
- *Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, Лука Лукич Хлопов* («Ревизор»);
- *Балтазар Балтазарович Жевакин* («Женитьба»);
- *Иван Иванович Перерепенко*, а также гости на ассамблее у миргородского городничего: «...*Тарас Тарасович... Евтихий Евтихиевич,*

среди них 21 — «авторский», два «унаследованных» (перешедших в булгаковские инсценировки из произведений Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого), а также один «чужой», имя которого отсылает к неназванному, но узнаваемому тексту.

Для удобства изложения двинемся в «обратном» порядке: начнем с последнего случая, когда в сознании персонажа возникает «чужой» таутоном (причем присутствует и «одноименная» фамилия). Имеется в виду повесть «Записки на манжетах» (1922), где герой-рассказчик вспоминает «Ивана Ивановича Иванова» [1: 434]². Ближайшая ассоциация в данном случае — тематический номера журнала «Сатирикон» (1913, № 34), целиком посвященный этому условному обывателю; «эмблематический» персонаж с тем же именем и похожим смысловым «орелом» фигурирует в романе А. Белого «Петербург»³

Иван Иванович — не тот *Иван Иванович*, а другой... *Елевферий Елевфериевич* («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»);

- *Петр Петрович Петух, Федор Федорович Перекроев* («Мертвые души»);
- *Пифагор Пифагорович Чертокуцкий* («Коляска»);
- *Федор Федорович* («Лакейская»).

Особая тема — развитие поэтонимической традиции Гоголя в русской литературе XIX — начала XX в. Вспомним хотя бы повесть Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), где фигурируют *Фома Фомич Опискин* и *Иван Иванович Мизинчиков*, в именах которых «проступают» персонажи «Шинели» *Акакий Акакиевич Башмачкин* (ср. обценные ассоциации имени *переписчика Акакий* и фамилии *Опискин*) и его крестный отец, «столоначальник в сенате» *Иван Иванович Ерошкин*.

² Цитаты по: Булгаков 2007—2011 приводятся с указанием тома и страницы.

³ С автором «Петербурга» Булгаков в 1920-х гг. был лично знаком, и поэтонимические игры Белого вполне могли оказать на него влияние, в том числе в аспекте употребления «удвоенных» имен, которых в романе немало. Помимо *Ивана Ивановича Иванова*, это прежде всего Аблеухов-старший, в связи с которым сам Белый отмечал реминисценции из гоголевской «Шинели»: «*Аполлон Аполлонович...* в аспекте “министра” — значительное лицо; в аспекте обывателя — *Акакий Акакиевич*» [Белый 1996: 324]. Подчиненный Аполлона Аполлоновича *Герман Германович* [Он же 1981: 33] — пародийный двойник Аблеухова-младшего как предполагаемого Софьей Петровной Лихутиной

(1913) [Белый 1981: 205]. Образ *Ивана Ивановича Иванова* возникает во второй части «Записок на манжетах», когда прибывший в Москву герой по дороге с вокзала вместе со случайной попутчицей, курсисткой-медичкой, заезжает к ее отцу, чтобы разгрузить целый воз доставленных с поездом продуктов. Отец курсистки, в голодное время не имеющий проблем с продовольствием, мыслится как живой персонаж сатирического журнала 10-летней давности:

Ни грозы, ни бури не повалили бессмертного гражданина *Ивана Ивановича Иванова*. <...> Будут еще бури. Ох, большие будут бури! И все могут помереть. Но папа не умрет! [1: 434—435].

Однако, ожидая, пока разгрузят чужие продукты, герой разглядывает висящую напротив «папиного» подъезда афишу с заглавием «Дювлам»: *Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского* [1: 434]. Заметим, что в названии этого состоявшегося 19 сентября 1921 г. поэтического вечера (см.: [Литературная жизнь 2005: 168]) было случайно либо намеренно пропущено существительное со значением «деятельность» («работы», «творчества» и т.п.), поэтому создается впечатление, будто речь идет о дне рождения мальчика-подростка. Развивая словесную игру, Булгаков прибавляет число 12 с афиши к реальному возрасту поэта, которому осенью 1921 г. было 28 лет, — возникает карикатурный инфантильный мещанин «Маяковский», напоминающий непотопляемого «папу»:

Он лет сорока, очень маленького роста, лысенький, в очках, очень подвижной. Коротенькие подвернутые брючки. Служит. Не курит. У него большая квартира, с портьерами... Живет в кабинете с нетопящимся камином. Любит сливочное масло, смешные стихи и порядок в комнате [1: 434].

Дополнительным стимулом к отождествлению Маяковского с *Иваном Ивановичем Ивановым* служит то, что поэт, известный

«Германа» из «Пиковой дамы». При этом мужа Софьи Петровны зовут *Сергеем Сергеевичем* [Там же: 48]. Николая Аполлоновича преследует в воображении «шаровидный толстяк-господин» *Пепп Пеппович Пепп* [Там же: 227], чье имя имеет звукоподражательное происхождение и связано с мотивом всеобщего взрыва. Таутономом отмечена и женщина — гувернантка Аблеухова-младшего *Каролина Карловна* [Там же: 227]; кстати, это реальное имя — оно принадлежало бонне будущего писателя, обучавшей его немецкому языку [Там же: 668].

антимещанскими инвективами («О дряни» (1921) и пр.), печатался (с 1915 г.) в «Новом Сатириконе», — у Булгакова же, по логике травестики, «Маяковский» уподоблен объекту сатириконских сарказмов.

Добавим, что в конце того года, когда вышел номер журнала, посвященный *Ивану Ивановичу Иванову*, Маяковский предпринял турне по России вместе с двумя другими футуристами — Каменским и Бурлюком. В январе 1914 г. они выступали в Киеве, и тогдашний киевский студент Булгаков, даже если не присутствовал на их вечерах, мог узнать о них из газет (см.: [Харджиев 1997: 13, 33]). В контексте нашей темы примечательны имена трех поэтов-гастролеров: *Владимир Владимирович*, *Василий Васильевич* и *Давид Давидович* — «однотипность» (которую они сами подчеркивали) воспринималась как элемент футуристического эпатажа [Каменский 1968: 156]. Таким образом, в «Записках на манжетах» таутоном является знаком литературной аллюзии, элементом сложной игры (подробнее о взаимоотношении Булгакова и Маяковского см.: [Яблоков 1994]).

Что касается булгаковских инсценировок — здесь о персонажах — носителях таутономов, трудно сказать нечто содержательное. В пьесе «Мертвые души» (1931) это жандармский полковник *Илья Ильич* [6: 324] (в поэме Н.В. Гоголя имя принадлежит неизвестному жителю города NN), чья меркантильность позволяет Чичикову избежать суда и покинуть город. В пьесе «Война и мир» (1932), как и в толстовском романе, имеется восторженный персонаж *Степан Степанович Апраксин* [6: 397]; у Толстого его фамилия — Адраксин [Толстой 1940: 94], Булгаков же использовал реальную фамилию прототипа С.С. Апраксина. Но никаких специальных мотивировок этих двух поэтономов в булгаковских текстах, по-видимому, нет.

Перейдем к таутономам, принадлежащим «собственно» Булгакову. Сначала перечислим соответствующих персонажей в алфавитном порядке имен и по хронологии произведений (указывается страница, на которой конкретный таутоном упомянут впервые):

1. *Альберт Альбертович* [5: 424] — роман «Записки покойника» (1937).
2. *Андрей Андреевич* [5: 506] — «Записки покойника».
3. *Антон Антонович Княжевич* [5: 395] — «Записки покойника».

4. *Арнольд Арнольдович* [5: 435] — «Записки покойника».

5. *Артур Артурович* [2: 45] — повесть «Дьяволиада» (1923).

6. *Артур Артурович* [4: 282] — драма «Бег» (1928).

7. *Арчибальд Арчибальдович* [7: 78] — роман «Мастер и Маргарита» (1938).

8. *Виктор Викторович Мышлаевский* [1: 87; 4: 6] — роман «Белая гвардия» (1924) и пьеса «Дни Турбиных» (1926).

9. *Влас Власович Власов* [3: 431] — фельетон «Повестка с государем императором» (1924).

10. *Ларион Ларионович Суржанский* [1: 219; 4: 14] — «Белая гвардия» и «Дни Турбиных».

11. *Леопольд Леопольдович* [2: 270, 323] — рассказы цикла «Записки юного врача»: «Полотенце с петухом» (1926) и «Тьма египетская» (1926).

12. *Назар Назарыч* [3: 365] — фельетон «Рассказ Макара Девушкина» (1924).

13. *Петр Петрович* [5: 390–391] — «Записки покойника».

14. *Петр Петрович Бомбардов* [5: 464] — «Записки покойника».

15. *Полиграф Полиграфович Шариков* [2: 216] — повесть «Собачье сердце» (1925).

16. *Ричард Ричардович* [6: 562] — план последней пьесы (1939).

17. *Савелий Савельевич* [6: 21] — пьеса «Адам и Ева» (1931).

18. *Феликс Феликсович Най-Турс* [1: 312] — «Белая гвардия».

19. *Ферапонт Ферапонтович Капорцев* [3: 665] — фельетон «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева» (1925).

20. *Филипп Филиппович Преображенский* [2: 152] — «Собачье сердце».

21. *Филипп Филиппович Тулумбасов* [5: 432] — «Записки покойника».

(Сюда не входят таутономы, возникавшие в черновых редакциях романа «Мастер и Маргарита» на разных этапах работы и исключенные автором: *Николай Николаевич* [Булгаков 2014, 1: 90], *Антон Антонович Берлиоз* [Булгаков 2014, 1: 109], *Александр Александрович Берлиоз* [Булгаков 2014, 2: 92]).

Часть представленных в списке персонажей (№ 1, 4, 9, 12, 17, 19) — эпизодические, однократно упоминаемые, их таутономы не играют особой роли. Например, тот факт, что имя *Влас Власович Власов* создано по модели *Ивана Ивановича Иванова*, не вносит в содержание фельетона ничего нового, разве что добавляет в образ персонажа элемент условности. Малочастотные имена *Альберт Альбертович*, *Арнольд Арнольдович*, видимо, соответствуют «странной» атмосфере романа «Записки покойника», где, кстати, число таутономов (7) гораздо выше,

чем в других текстах Булгакова («Белая гвардия» — 3; «Дни Турбиных» и «Собачье сердце» — по 2).

В ряде случаев есть возможность реконструировать (хотя бы предположительно) мотивировку таутонима, проследить отсылку к реальному человеку, историческому либо литературному персонажу. Так, в «Записках покойника» администратор Учебной сцены *Петр Петрович* (без фамилии), «мрачный и замкнутый» [5: 390–391], — это администратор Второй студии МХАТа, затем артист театра *Иван Иванович Гедике* (игравший, кстати, лакея Федора в «Днях Турбиных»): сохранив таутоним, Булгаков заменил одно широко распространенное имя на другое.

Прототип «заведующего приемом пьес» в Независимом театре *Антон Антоновича Княжевича* [5: 395] — *Василий Васильевич Лужский*, актер и режиссер МХАТа. Имя *Антон Антонович* напоминает о двух литературных персонажах: Загорецком из «Горя от ума», охарактеризованном как «отъявленный мошенник, плут» [Грибоедов 1988: 93], и корыстник Городничем из комедии «Ревизор». Вместе с тем можно (с большой осторожностью) предположить, что выбор таутонима обусловлен ассоциацией с А.А. Дельвигом: на выпущенной в 1903 г. открытке с фотографией Лужского⁴ он в овальных очках, весьма напоминающих очки Дельвига на известном портрете работы Ф.П. Бореля⁵; фамилия *Княжевич*, возможно, пародирует баронский титул Дельвига.

В тех же «Записках покойника» прототипом первого помощника режиссера по имени *Андрей Андреевич* послужил помощник режиссера во МХАТе *Николай Николаевич Шелонский*. Новое имя (греч. *ἀνδρῶς* — муж, мужчина) по смыслу подобно имени прототипа (*Николай* — греч. «победитель»), подчеркивая стойкость и сугубое терпение Андрея Андреевича в атмосфере интриг, затеваемых склочным дирижером Романусом [5: 503–508].

Николаем Николаевичем звали и человека, выведенного в романе «Белая гвардия» под именем *Виктор Викторович Мышлаевский*. По мнению родственников писателя, подразумевается друг детства и юности Булгакова Н.Н. Сынгаевский, который, в отличие от романного персонажа,

занимался балетом и женился на балерине Б.Ф. Нижинской, когда та в конце 1910-х гг. работала в Киеве, а затем уехал с ней в эмиграцию (см.: [Яблоков 2015: 514–515]). Личное имя персонажа представляет собой латинскую кальку греческого имени прототипа: лат. *Виктор* — «победитель».

Указание на «удвоенное» имя прототипа содержится также в таутониме *Ларион Ларионович (Илларион Илларионович) Суржанский*. Его прототипом был свойственник писателя (двоюродный брат мужа сестры) *Николай Николаевич Судзиловский*. Фамилия Суржанский, во внутренней форме которой есть сема соединения разнородных частей (ср. *суржа*, *суржанка* — смесь пшеницы с рожью в посевах или в зернах [СРНГ 2008: 276–277]), возможно, намекает на сложную биографию Судзиловского, повлиявшую на фамилию и отчество: при рождении его звали Николай Владимирович Капацын — фамилия и отчество изменились после усыновления мальчика семьей Судзиловских (см.: [Ковалинский 1999]). При этом имя персонажа, вероятно, мотивировано именем двоюродной сестры писателя Иларины Михайловны Булгаковой, жившей вместе с семьей в Холме Люблинской губернии (ныне г. Хелм в Польше). В 1910-х гг. Илария училась на женских курсах в Киеве и несколько лет жила в семье Булгаковых. Ее имя восходит к греч. *ίλαρός* — «веселый, радостный»; соответственно в таутониме Лариосика подчеркнута его комичность.

Прототипом персонажа «Записок покойника» *Филиппа Филипповича Тулумбасова* явился администратор МХАТа Федор Николаевич Михальский. Сходство онимов здесь незначительно: одинаковый инициал имени и подобие уменьшительных форм: *Федя / Филя*. Правомерным кажется предположение (см.: [Яновская 1983: 66]), что диминутив *Филя* и личное имя в романе мотивированы фамилией другого известного Булгакову человека той же профессии — в 1920 г. во Владикавказском театре был администратор *Филь* (он указан, например, на программе Пушкинского вечера 26 октября 1920 г., в котором принимал участие Булгаков). Тождество с таутонимом профессора Преображенского (см. ниже) здесь вряд ли существенно; скорее автор романа подразумевал значение греческого имени *Филипп* — «любящий коней». Символом и эпицентром Независимого театра для Максудова является золотой конь [5: 390,

⁴ См.: <https://vivaldi.nlr.ru/lo000070976/view>

⁵ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/File:Anton_Delvig_2.jpg

393], а возможность «проникнуть» к нему зависит именно от Фили, поскольку он распоряжается театральными билетами и контрамарками. Отметим также, что в фамилии *Тулумбасов*, которая на первый взгляд ассоциируется с большим турецким барабаном (этот инструмент упоминается, например, в романе «Мастер и Маргарита» в сцене похорон Берлиоза [7: 271]), актуализировано просторечное значение слова *тулумбас* — председатель пиршества, попойки [Ушаков 2001: 427]; как явствует из дневника жены писателя, Михальский и Булгаков неоднократно участвовали в общих застольях.

Своеобразный пример в плане аллюзий — персонаж «Записок юного врача» по имени *Леопольд Леопольдович*. Таутоним здесь воспроизводит реальное имя прототипа: видимо, по мнению автора, оно звучало достаточно экзотично и потому подходило персонажу, наделенному «сверхчеловеческими» возможностями. За полтора года до Булгакова лечебным пунктом Никольское Смоленской губернии заведовал земский врач *Леопольд Леопольдович Смирчек*, который служил там с ноября 1902 г. по март 1914 г., имел огромный опыт, пользовался любовью у крестьян. Как для самого писателя, так и для его героя *Леопольд Леопольдович* — человек, «почти» знакомый (по рассказам медперсонала); вместе с тем для юного врача *Леопольд* — сакральное существо, к профессиональному уровню которого герой лишь мечтает приблизиться.

Именами знакомых писателя мотивированы также таутонимы в ранних редакциях «Мастера и Маргариты»: *Николай Николаевич* — по-видимому, аллюзия на филолога Н.Н. Лямина, друга писателя; имя Берлиоза в редакции 1938 г. *Александр Александрович* — возможно, намек на А.А. Фадеева, который как раз в этом году возглавил Союз писателей. Имя Берлиоза в более ранней редакции — *Антон Антонович*, как и в рассмотренном случае с Княжевичем, может напоминать о грибоедовском Загорецком или гоголевском Городничем. Если же учесть, что одним из прототипов Берлиоза считается А.В. Луначарский, носивший пенсне со стеклами овальной формы, то не исключено, что отмеченная выше ассоциация с А.А. Дельвигом актуальна и здесь, тем более с учетом того обстоятельства, что фамилия родного отца будущего наркома — и первоначально его самого — была *Антонов* (ср.: *Анатолий*

Антонов); позже фамилия и отчество были изменены в связи с усыновлением ребенка отчимом В.Ф. Луначарским.

Среди персонажей Булгакова, наделенных таутонимами, есть и такой, чьим прообразом явился сам писатель. В романе «Записки покойника» создан двойной «автопортрет»: автобиографические черты присутствуют не только у «нежизнеспособного» (движущегося к самоубийству) главного героя Максудова, но и у его «умудренного» двойника, театрального «гида» *Петра Петровича Бомбардова*⁶. Здесь фактически повторена мотивная структура рассказа «Морфий» (1927), где дневник самоубийцы Полякова представляет собой «записки покойника», а фамилия другого героя — *Бомгард*⁷ — предвосхищает фамилию *Бомбардов*. Имя последнего вызывает ассоциации с Петром Первым — это сочетание фонетически близко к таутониму Бомбардова. Аллюзию на императора содержит и фамилия персонажа. Так, в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» читаем:

Петра при войске приказано именовать бомбардиром Петром Алексеевым.

Ср. в булгаковском либретто «Петр Великий» (1937) реплику Меншикова:

Вторую чарку Михайлову Петру, преобразженцу бомбардиру!

⁶ При первом знакомстве он представляется: «Петр Бомбардов» [5: 396]; возможно, шуточный намек на Петра Ломбардского, католического богослова и философа XII в., который в своих «Сентенциях» впервые создал единую систему догматического богословия. При этом в фельетоне Булгакова «День просвещения» (1920) речь идет о реальном музыканте-тромбонисте по имени Борис Ломбард (см.: [Яновская 1997: 5–18]). Высказывалось также предположение о возможной ассоциации с Пьером Бомбардом, владевшим рукописью «Песни об альбигойском крестовом походе» (XIII в.), экземпляр французского издания которой (1931 г.) имелся в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина [Галинская 2007: 32–33]; однако про знакомство Булгакова с этой книгой ничего достоверно не известно.

⁷ Фамилия созвучна фр. *bonne garde* — «надежный, верный хранитель»; это соответствует функции персонажа, долгие годы сохранявшего дневник погибшего товарища.

Дополнительный аргумент «самоотжествления» с Петром — сходство царского «псевдонима» Михайлов и имени Булгакова⁸.

В булгаковских произведениях встречается ряд персонажей, чьи таутонимы отсылают к историческим личностям различных эпох. Таков, например, образ гусарского полковника *Феликса Феликсовича Най-Турса* в романе «Белая гвардия». Для нашей темы существенно, что в начале XX в. в Киеве жил реальный гусарский полковник *Николай Николаевич Най-Пум*. Фамилия объясняется тем, что по национальности он был сиаменцем и попал в Россию в 1898 г. в свите принца Чакрабона, вместе с которым стал учиться в Пажеском корпусе. Впоследствии Най-Пум принял православие, причём его крестным отцом был Николай II — отсюда тождественные имя и отчество. Однако данный прототип мотивирует структуру имени-отчества и фамилию персонажа⁹, но не выбор личного имени. Заметим, что в булгаковском романе у Феликса Феликсовича имеется сестра Ирина. Такое сочетание вызывает однозначные ассоциации: *Феликс Феликсович* и *Ирина* (Александровна) *Юсуповы* — одна из самых блистательных супружеских пар предреволюционного времени (лат. *felix* — «счастливый», удвоение имени даёт значение «счастливейший»); при этом Ф.Ф. Юсупов был известен участием в убийстве Г.Е. Распутина, о котором Булгаков в начале 1920-х гг. намеревался написать драму. Таким образом, если аллюзии на Н.Н. Най-Пума придадут Най-Турсу «монархические» коннотации, то аллюзии на Ф.Ф. Юсупова вводят трагический элемент; ограничимся этим выводом, хотя на самом деле прототипический фон образа Най-Турса значительно сложнее (подробнее см.: [Яблоков 2015: 532–535, 722–723]).

⁸ Кстати, под псевдонимом Михайлова выступала в театре первая жена Булгакова, когда они в 1920–1921 гг. жили во Владикавказе [Из семейной хроники... 1991: 82].

⁹ Фамилия Най-Турс мотивирована и по другой линии: она представляет собой слегка изменённое английское словосочетание Knight's Tour (буквально — «путешествие рыцаря»; согласно русской традиции — «ход конём»), название известной задачи о шахматном коне, который должен обойти все поля доски, побывав на каждом лишь один раз (см.: [Яблоков 2015: 534]).

Историческими ассоциациями отмечен таутоним *Филипп Филиппович Преображенский* — характерно сравнение персонажа с «французскими рыцарями» [2: 152] и «французским древним королем» [2: 243]. В этой связи сошлёмся на более раннюю работу [Яблоков 2014: 93–95], где рассмотрены связи Преображенского с Филиппом IV Красивым, «Железным королем» (сыном Филиппа III — ср.: *Филипп Филиппович*), который в начале XIV в. вел борьбу с орденом тамплиеров; таким образом, булгаковский персонаж ассоциируется одновременно с рыцарем и с королем, уничтожавшим рыцарей.

Интересен образ *Ричарда Ричардовича* — персонажа не написанной, а лишь задуманной Булгаковым в 1939 г. пьесы под условным названием «Ричард I», запись о которой была сделана Е.С. Булгаковой уже после смерти писателя [6: 667–668]. Судя по характеризующей героя фразе: «Ричард — Яго» [6: 563], — в образе высокопоставленного злодея выведен расстрелянный в 1938 г. бывший председатель ОГПУ и нарком НКВД *Генрих Григорьевич Ягода*, созвучные имя и отчество которого похожи на таутоним (кстати, в романе «Мастер и Маргарита» не названные по именам *Ягода* и его секретарь *Буланов* появляются на балу у Воланда [7: 328–329]). Образ «Ричарда I» вызывает ассоциации с Ричардом Львиное сердце — который, однако, не «Ричардович», поскольку был сыном Генриха II. Имена *Ричард* и *Яго*, разумеется, указывают на шекспировский контекст; «подходящий» персонаж — Ричард III, отцом которого являлся Ричард Йоркский; аморальный Ричард III идет к власти по трупам, но в итоге гибнет; самоубийством должна была завершиться и судьба булгаковского Ричарда Ричардовича.

Трагическим намеком на одну из известнейших в английской истории личностей выглядит образ *Артура Артуровича* в драме «Бег» — характерно, что первоначально пьеса носила название «Рыцари Серафимы». «Вертушка» с тараканьими бегами [4: 338], повелителем которой является «тараканий царь» [4: 282] *Артурка*, пародирует круглый стол короля Артура из британского эпоса. Что касается таутонима — в данном случае он, вероятно, должен свидетельствовать об «инферральности» носителя. Такими же маркерами «роковых» персонажей служат «удвоенные»

имена *Артур Артурович* в «Дьяволиаде» и *Арчибальд Арчибальдович* в «Мастере и Маргарите».

Нечто подобное можно сказать о *Полиграфе Полиграфовиче Шарикове*. Номинация показывает, что в видовом отношении персонаж балансирует не просто между животным и человеком (характерна «принятая» им «наследственная» — собачья по происхождению и человеческая по виду — фамилия¹⁰ [2: 217]), но между «органическим» существом и механическим устройством: имя, которое он выбирает, — «машинное» по источнику (московский трест «Полиграф» снабжал полиграфические предприятия оборудованием и материалами). То обстоятельство, что Шариков берет в качестве имени «целый» таутоним, объясняется примером «папаша» [2: 212]: новоявленный «человек» [2: 211] бездумно копирует сочетание *Филипп Филиппович*¹¹. Впрочем, хотя сам Шариков не ассоциирует отчество ни с какими предками, можно отметить, что «механические» коннотации связывают его с фамилией второго «донора» — *Чугункина*, восходящей к слову *чугунка*, старому названию железной дороги [Даль 1909: 1369].

Наши наблюдения подтверждают тезис об особой роли таутонимов в художественном мире Булгакова. Характерно, что большая их часть (не менее десяти) создана

¹⁰ Ср. гоголевского *Петра Петровича Петуха* (поэтоним намекает на «человекоптицу», особенно с учетом бурного темперамента персонажа), а также *Михаила Собакевича* — не наделенного таутонимом, однако по внутренней форме имени и фамилии сочетающего черты «медведя» и «собаки», которому при этом уподоблены дрозд, а также все неодушевленные предметы в его доме. (Гоголь. «Мертвые души»).

¹¹ В подтексте сцены «имянаречения» Шарикова — эпизод «Шинели», где мать новорожденного, обнаружив в святцах ряд неблагозвучных имен, решает назвать младенца по отцу — *Акакием* (Гоголь. «Шинель»). При этом родильница названа здесь *старухой* и *покойницей* — «если прибавить к этому и покойного отца (“отец был Акакий”...), причем контекст подводит к тому, что это было уже давно (что несколько противоречит реальности), то странность происхождения героя, изначально связанного с загробным миром... и как бы родившегося от покойников, не может не обратить на себя внимания» [Цивьян 2008: 276]. В булгаковской повести «инфернальный» герой сам находит себе имя (и отчество!) в календаре, функционально подобном святцам, — сам себя «крестит» и при этом «назначает» себе отца.

на основе экзотичных, не очень привычных для русского уха (иногда, как в случае с *Полиграфом Полиграфовичем*, — вовсе небывалых) имен, которые выглядят еще необычнее в «удвоенном» варианте. Часто таутонимом маркируется персонаж, связанный (в серьезном или пародийном плане) с потусторонним миром, предстающий онтологическим «перевертышем» и наделенный «сверхчеловеческими» способностями. Вместе с тем ряд носителей таутонимов у Булгакова являются незначительными, эпизодическими персонажами; в подобном случае необычные имя — один из признаков общей «карнавальности» художественного мира. Отметим также, что тождество личного имени и патронима здесь никогда не сигнализирует о характерологическом сходстве персонажа с его отцом, поскольку соответствующая информация в булгаковских произведениях отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Мастерство Гоголя: исследование. — М., 1996.

Белый А. Петербург. — М., 1981.

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: полн. собр. черновиков романа. Основной текст: в 2 т. — М., 2014.

Булгаков М.А. Собр. соч.: в 10 т. — М., 1999. — Т. 8.

Булгаков М.А. Собр. соч.: в 8 т. — М., 2007–2011.

Галинская И.Л. Потаенный мир писателя. — М.; СПб., 2007.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. — М.; Л., 1937–1952.

Грибоедов А.С. Сочинения. — М., 1988.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — СПб.; М., 1909. — Т. 4.

Из семейной хроники Михаила Булгакова // Паршин Л.К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. — М., 1991.

Каменский В.В. Путь энтузиаста. — Пермь, 1968.

Ковалинский В.В. Он был Лариосиком // Зеркало недели: Украина. — Киев, 1999. — № 17.

Кондакова Ю.В. Принципы инфернальной ономастики в художественных мирах Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа). — Екатеринбург, 2001. — С. 319–342.

Литературная жизнь 2005 — Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы

современников. Библиография. — М., 2005. — Т. 1: в 2 ч. — Ч. 2.

Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. — М., 2004.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. — М., 1988.

Словарь русских народных говоров. — СПб., 2008. — Вып. 42.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 3 т. — М., 2001. — Т. 3.

Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. — М., 1959. — Т. 7.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. — М., 1940. — Т. 11.

Харджиев Н.И. Статьи об авангарде: в 2 т. — М., 1997. — Т. 2.

Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации. Избранное: в 2 кн. — М., 2008. — Кн. 1.

Яблоков Е.А. Они сошлись... // Михаил Булгаков, Владимир Маяковский: диалог сатириков. — М., 1994.

Яблоков Е.А. Примечания // Булгаков М.А. Белая гвардия. — М., 2015.

Яблоков Е.А. Хор солистов: проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. — СПб., 2014.

Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. — М., 2001.

Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. — Холон, 1997.

Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова. — М., 1983.

REFERENCES

Belyi A. Masterstvo Gogolya: investigation, Moskva, 1996.

Belyi A. Peterburg, Moskva, 1981.

Bulgakov M.A. Collected edition: in 10 vol., Moskva, 1999, vol. 8.

Bulgakov M.A. Collected edition: in 8 vol., Moskva, 2007–2011.

Bulgakov M.A. Master i Margarita: completed edition of novel handwritten drafts. Main text: in 2 vol, Moskva, 2014.

Galinskaya I.L. Potaennyi mir pisatelya, Moskva, Sankt-Petersburg, 2007.

Gogol' N.V. Complete set of works: in 14 vol, Moskva, Leningrad, 1937–1952.

Griboedov A.S. Sochineniya, Moskva, 1988.

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: in 4 vol. Sankt-Petersburg, Moskva, 1909, vol. 4.

Iz semeinoi khroniki Mikhaila Bulgakova, in Parshin L.K. Chertovshchina v Amerikanskom posol'stve v Moskve, ili 13 zagadok Mikhaila Bulgakova. Moskva, 1991.

Kamenskii V.V. Put' entuziasta, Perm', 1968.

Khardzhiev N.I. Stat'i ob avangarde: in 2 vol., Moskva, 1997, vol. 2.

Kondakova Yu.V. Printsipy infernal'noi onomastiki v khudozhestvennykh mirakh N.V. Gogolya i M.A. Bulgakova, in Evolyutsiya form khudozhestvennogo soznaniya v russkoi literature (tests of phenomenological analysis), Ekaterinburg, 2001, pp. 319–342.

Kovalinskii V.V. On byl Lariosikom, in Zerkalo nedeli: Ukraina, No. 17, Kiev, 1999.

Literaturnaya zhizn' 2005 – Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiya. Otzyvy sovremnikov. Bibliografiya, Moskva, 2005, vol. 1, in 2 p, p. 2.

Pen'kovskii A.B. Ocherki po russkoi semantike, Moskva, 2004.

Podol'skaya N.V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii, Moskva, 1988.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, Sankt-Petersburg, 2008, issue. 42.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka, ed. D.N. Ushakov: in 3 vol., Moskva, 2001, vol. 3.

Tolstoi A.N. Collected edition: in 10 vol., Moskva, 1959, vol. 7.

Tolstoi L.N. Complete set of works: in 90 vol., Moskva, 1940, vol. 11.

Tsiv'yan T.V. Yazyk: tema i variatsii. Selected: in 2 books, Moskva, 2008, book 1.

Yablokov E.A. Khor solistov: problemy i geroi russkoi literatury pervoi poloviny XX veka, Sankt-Petersburg, 2014.

Yablokov E.A. Khudozhestvennyi mir Mikhaila Bulgakova, Moskva, 2001.

Yablokov E.A. Oni soshlis'..., in Mikhail Bulgakov, Vladimir Mayakovskii: dialog satirikov, Moskva, 1994.

Yablokov E.A. Primechaniya, in Bulgakov M.A. Belaya gvardiya, Moskva, 2015.

Yanovskaya L.M. Tvorcheskii put' Mikhaila Bulgakova, Moskva, 1983.

Yanovskaya L. Zapiski o Mikhaile Bulgakove, Kholon, 1997.